Лина Лиру
до того как стемнело

Та, кто поет в омуте

Лина Лиру

Та, кто поет в омуте

Серия «До того как стемнело», книга 1

https://litres.ru/73887443
SelfPub; 2026

Аннотация

Старый сундук, наполовину ушедший в землю у чёрного лесного омута. Внутри — письма. Рваные, мокрые, пахнущие тиной и синими цветами. Их писали крестьяне, старосты, художники, дети, влюблённые, беглецы и те, кто так и не вернулся. Странная деревня, которой нет на картах. Река, которая не движется. Тишина, которая слышит. Через чужие голоса — путаные, испуганные, нежные, одержимые — проступает одна история. Она длится веками. О ней не говорят вслух. Её можно только найти. Или — она сама находит тебя. Мистическая хроника в письмах. Жанр, где ответа не дадут. Только вопрос, который тихо шепчут за шиворот — и ты уже не знаешь, сквозняк это или кто-то дышит у самого уха.

Содержание

ПРИСКАЗКА 4
Та, кто поет в омуте... 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Та, кто поет в омуте

ПРИСКАЗКА

Сказывают девы, да и мужики,
Что в подводном месте у сырой
воды,
Где-то
на деревах, где-то там в кустах,
Притаилась
нечисть — слёз не видать Страх!
А деревня та, что Валькой всё
зовут,
Люди
письма пишут, да потом не ждут.
Письма
те давно уж под корнями,
С той деревней канули в печали.

Лина Лиру

Та, кто поет в омуте...

Место это основали тридцать, а то и пятьдесят лет назад. То есть никто не помнит точно. Бумаги потерялись, старики умерли, а те, кто мог бы рассказать, — молчат. Или уже в воде.

С тех пор здесь ходят легенды. Хотя что легенды? Выдумки, ничем не подтверждённые, верно? Бумага пожелтела, края истлели. Говорят, в то время люди работали, молились, боялись реки. А потом всё изменилось. Или не изменилось?

Было одно правило, которое никто не записывал, но все знали:

«В полнолуние к воде не подходят. Кто подошёл — тот уже не свой».

Правило забыли. Потом вспомнили снова. Но многие успели подойти.

Первые дома ставили не где удобно, а где сухо. Подальше от корней, которые тянутся к воде. Возвращались ли те, кто уходил за дровами в ту сторону? Не все. И никто не ходил проверять.

Говорят, у реки есть дно, но нет конца. Говорят, если долго смотреть в чёрную воду, вода начинает смотреть в тебя. Говорят, иногда по ночам деревня слышит, как кто-то поёт. Не жалостливо. Не весело. Так, как будто вспоминает тех, кого уже нет.

Может, это просто ветер. Может, просто вода шумит. Может, просто совпадение. Ведь совпадения — это всего лишь совпадения. Верно?

Год 15??. Деревня Вальделю.

Письмо на обрывке бересты, края обгорели. Почерк старательный, но корявый, буквы прыгают, ошибка на ошибке.

«Володя, здорово!

Ну вот, дабрался я до тётки Агафьи. Дарога дальняя, устал сильна. Снача на телеге ехал с папутчиками — мужик один кожи вёс в горат, падсадил. А потом пешком вёрст три, ни мене. Лес кругом — стеной стоит, тёмна в ём даж днём. Тропки одне звериные, челавечьей ноги давно не видать. Мужик попалси, дарвосек местный, вывёл. Он меня молчком да аколицы правел, рукой махнул и ушол. Слова не сказал.

Деревня наша, Валькой ея кличут, а па-настояшшему Вальделю, да никто так не гаварит. Стоит на берегу реки. Вода в ей чорная, тихая, не шелохнёцца, даже когда ветер. Берега ниские, глинистые, местами камень серый из вады тарчит. Местные к реке ходят — без етова нильзя, вада нужна, а так — стараняцца. Я сперва не понял, а потом тётка Агафья сказала: место там гиблое, гаварит. Я не поверил, а она на меня пасматрела и замолчала. А я переспросил — она рукой махнула: «Ешь, гаварит, астынет».

Народ здесь нелюдимый, правду гаварят. Встретиш на улице — галову опустят и прайдут, нихто не паздоровац-

ца, никто не спросит, кто ты да аткуда. Тётка гаварит, раньше веселее было, песни пели, харавады водили па праздникам. А теперь всё тише, всё тише. Я спросил, с чево так. Она долга молчала, потом гаварит: «Люди уходят, Митя. Кто в горад, а кто и так прападает». И апять замолчала.

Мужики здесь зимой на промысел ходят, в лес, на саболя. Весной и летам в агародах капаюцца да рыбачат. Только рыбачат не все. Кто сетей боицца, кто на лодке не выплывает. Я сперва не понял, а потом сасед, дядя Прохор, сказал: «Наша река не любит, када ея тревожат». Я хател спросить, чо значит «не любит», а он уже ушол.

Вечерами здесь рана спать лажутца, свечи попусту не жгут, лучину тож ни каждый зажжёт. Я у тётки на палатях сплю, сверху, тепла. Слышу, как она па начам вздыхает да молицца. Шепчет, шепчет, а слоф не разобрать. Чево — не гаварит. Я как-то спросил, ково это она молит. А она: «Всех, Митя. Всех, кто может услышать».

Церковь у нас есть, старая, давно не биленая. Стоит на пригорке, крест пакасился, крыша кое-где прасела. Говорят, батюшка приезжай, раз в месяц службу правит. Местные собираюцца, молюцца усердна, а потом быстра по дамам расходяцца, ни задерживаюцца.

Я тут па хозяйству помагаю. Драва колю — лес рядом, беру сколька надо, но далико не захожу. Тётка наказывала: «Дальше старой сосны не ходи, Митя». А старая сосна на пригорке, её атавсюду видна. Воду нашу из калодца, из реки

не берём — там вада, гаварят, тяжолая. В агароди капаюсь, грядки полю, репу сажаем. Тётка Агафья меня не гонит, кормит харашо. Вчера пираг с рыбой пекла, пастряпала слафна.

Рыбу я сам лавил. Пашол к реке, удачку закинул. Сижу, жду. Места тихое, кусты, камень балшой, мхом порос. И вдруг вижу — на том камне девка сидит. Красивая. Я её мелком увидал и больше не глядел, не да таво было. Рыба клевала плоха.

Дамой вернулся, тётке нечево не сказал. Пабаялся. А она вечером вдруг гаварит: «Ты к реке па начам не ходи, сынок». Я спросил пачему, а она молчит, только крестицца и на печку смотрит.

Володя, ты не смейся. Может, и паказалось мне. Темна уж было, глаза устали. А может, и взаправду какая девка из здешних. Только гаварят, девки здесь дикие, к чюжим не ходят, да и где им взяцца — адна маладёж в горат падалася.

Как ты там? Как наши? Скучаю я по гораду, па нашым пасиделкам. Здесь всё иначе. Тиха. Иногда даже страшна ат етай тишыны. Слышна, как трава растёт, как рыба в реке плеснёт. А па начам тётка молицца, и я слушаю и ни сплю.

Ты пишы, как получиш. Расскажи, чо у вас новава. Как отец, как мать? Иван всё ешшо в лавке таргует? Перидавай всем привет.

Митрошка.»

Кто был тот парень? Митрошкой звали, обычный крестьянин, таких тысячи. Родился в бедной семье, с детства привык работать. В городе его знали как доброго малого — подсобит, поднесёт, слово ласковое найдет. В деревню приехал к тётке помогать, потому что свои уже не прокармливали.

Работал, улыбался. Люди запомнили его улыбку — открытую, детскую, какую редко встретишь в этих краях. Никогда никому не отказывал: и дрова поколет, и крышу починит, и за водой сходит. А потом — пропал. Через год.

Сказывали, у реки его видели в последний раз. С девкой какой-то. Сидел на камне, и она рядом — волосы длинные, светлые в темноте. Не звали на помощь. Не кричали. Просто исчезли. Как утренний туман.

С тех пор никто его не видал. А письмо его осталось. В сундуке.

Год 1592. Деревня Вальделю.

Письмо на тонкой, пожелтевшей бумаге. В одном углу — восковое пятно от свечи. Почерк женский, старательный, но с ошибками — баба грамоте сама выучилась.

«Марьюшка, здравствуй, сестрица!

Пишу тебе, как абещала. Всё у нас па-старому, да не совсем. Ты знаешь, деревня наша ни меняицца, а люди меняюц-

ца. Стараста типерь новай, мужик суровый, слова лишнева ни скажет. При ём тиха стала, ни гуляют, ни пают. Да и никому, пажалуй.

Людей у нас паубавилась. Ни сильна, но чуствуицца. Кто в горат падался, кто помер. Маладёжи почти ни асталась — все на заработки ушли. Я вот адна типерь. Инда тоска берёт, инда ничево, привыкаю.

Церква наша совсем запустела. Отец Иоанн тожэ уехал куды-та. Говорят, в горат перабрался. Типерь службы ретка бывают, приезжает кто-та из саседнева сила раз в месяц, а то и реже. Мы с бабами ходим, прибираем патихоньку, венки вешаем, лампадки зажегаем. Штоп ни совсем забыта была. Старастa гаварит: «Богу малицца можно и дома». Может, и правда. А может, проста ни хочет, штоп народ к реке ходил.

Ты ни повериш, Марья, чо с мной вчера случилась. Русальная ниделя началась, и я пашла на реку — венок пустить, как мы в детстве с табой пускали. Помниш? Ты ешшо упала тагды, платье прамачила, мать ругалась. В общем, пашла я. Берег пустой, никово. Вада тёмная, глаткая, как зеркала. Я венок на ваду палажыла, он поплыл, а я стою, сматру.

И вдруг меня как будта кто-та зовёт. Ни голас, нет. Проста чуства. Стаю и хочицца в ваду зайти. Пряма тянет, Марья. Я ногой шагнула, а патом апамятовалась, атступила. Перикреснавась и пашла дамой. Шла быстра, ни аглядывалась.

Севодня весь день думаю. Может, паказалась? Может, ветер? А может, и правда чо-то есть в етай реке, аб чом старухи шэпчутся. Помниш, тётка Агафья, царствие ей нисбесное, рассказывала? Она многа чево рассказывала. Я тагды смеялась. А типерь вот не смешна. Говорят, давно эта была, ешшо при тётке Агафье, парень какей-та у реки прапал. С девкай, гаварят, свидание назначил, а девка та ненадёжная аказалась. С тех пор к реке баяцца стали.

Может, и враки всё. А может, и нет.

Ты, Марья, как там? Как тваи? Как муж, как детки? Пишы, ни забывай. Здесь совсем тиха стала. Инда даже страшна ат етай тишыны. А тут ешшо эта зовёт будта. Может, я адна така, может, всем так кажицца. Ни знаю.

Приезжай, если сможеш. Саскучылас я по тебе.

Твая сестра Матрёна.»

Сорок лет спустя писала Матрёна. Митрошку она не знала, но историю его слышала. Как легенду. Парень, мол, у реки пропал. А она сама тот зов услышала. И устояла. Или наоборот — она стала не нужна. Потому что она не такая, как те, кого зовут. Старая дева, некрасивая, с руками в мозолях, с молчаливым ртом. Кого там звать — таких, как она?

Вода на пороге появилась не в полночь, не во сне. А днём. Когда Матрёна вернулась с огорода. Просто лужа у двери. Чистая. Холодная. Будто кто-то плюнул и ушёл.

Она позвала мысленно: «Ну?»

Тишина.

С тех пор вода не возвращалась. Двадцать лет — ни капли.

Матрёна умерла, глядя в окно. Сказала перед смертью всего три слова: «Я не подошла». Или: «Она не позвала». Никто не разобрал.

Вода на пороге — знак.

Может, предупреждение: «Ты не та».

А может, приглашение, которое она не услышала.

Сорок лет ждала. А надо было просто шагнуть.

Год 1643. Деревня Вальделю.

Донесение на грубой, плотной бумаге. Буквы крупные, давящие. Кое-где чернила расплылись от влаги. Почерк полуграмотный, но старается быть официальным — видно, что староста выучился по нужде.

«Барину нашему, Василию Петровичу, от старосты Филиппа.

Ваше благородие, простите, што беспокою, да некаму боле. Народ из деревни уходит. Кто в горад падался, кто в саседнюю волость перабрался. Асталось нас — па пальцам перачесть. Малодых нет вовсе. Старики да бабы с малыми детьми. И всё ат аднаво — ат реки.

Люди боятца, Ваше благородие. К ваде не падходят, рыбу не ловют, скатину паить атказываюцца. Говорят, нечиста там. А мне што делать? Без вады не пражить. В калодце вада плохая, тяжолая, каровы не пьют. А из реки никто ни

берёт. Прикажите, штоп кто из горада приехал, осматрел бы. Может, батюшку пришлите, штоб асветил место.

Доведь прапал Ефим, рыбак. Средних лет был, ни старой. Ушол к реке и ни вернулся. Жена ево, Арина, плачет, детей малых в избе заперла, не выпускает. А люди шэпчюцца. Говорят, Ефим тот неверным был, па чюжим бабам шастал. Жену обижал. Вот и дахадился. Господь, мол, наказал. Или не Господь.

Я к реке ходил, смотрел. На берегу удочка ево, сеть. А рядом на камне — гребень. Кастяной, старой, мхом поросший. Чюжой. Не Ефимов. Я ево не тронул. Не моё — и ладна. Пусть лежит.

Ваше благородие, пришлите кого. Совсем запустеет деревня. А што я скажу? Некому работать, некому платить оброк. Адна надежда на вас.

Староста Филипп»

Батюшку наконец прислали. Из самого города, с крестом и святой водой. Ходил вокруг омута, кропил, молитвы читал. Три дня ходил. А на четвёртый уехал. И ничего не сказал. Только бледный был и трясся. А когда мужики спросили, что там, в омуте, он рукой махнул и в повозку сел, погонять велел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.